

и притчами показывалъ имъ всю ихъ неправду. Сначала шелъ споръ о Святой Троицѣ, послѣ о Матери Божіей.

Случилось тамъ быть нѣсколькимъ изъ Сарацинъ: они подняли голосъ противъ Кирилла за одно съ Жидами; и Кириллъ ихъ такъ же, какъ Жидовъ, постыдилъ въ томъ, что ихъ ученіе не Божія правда, а лукавство—чтобъ въ людяхъ разумъ затуманить, отъ правой вѣры отвести. Какъ огненная струя лилася рѣчь Кириллова: всѣ хитрости невѣрныхъ, какъ воскъ, отъ нея таяли.

Наконецъ поднялся каганъ съ Козарами своими и сказалъ Кириллу: «Хорошо ты все это говоришь, и нѣтъ никого мудрѣ тебя въ книгахъ. Видно Богъ тебя къ намъ привелъ на устроенье наше. Только мы по книгамъ мало смыслены: ты намъ просто Расскажи, по вашему закону, какъ жить, чтобъ души свои спасти.»

И на утро опять собрались Козары и спрашиваютъ Кирилла: «отчего христіанская вѣра всѣхъ лучше?»

Кириллъ имъ на это сталъ говорить: «Золото чистое узнаютъ люди огнемъ, а правду истинную умомъ. Какъ вы думаете, еслибъ человѣку озвѣщавшему кто нибудь сказалъ: напейся холодной воды и постой на морозѣ и согрѣвешься; а другой бы сказалъ—пойди грѣться въ теплое мѣсто, къ огню? Чья бы правда была?»

И отвѣтили Козары всѣ словно въ одинъ голосъ: «была бы правда того, кто отъ холоду тепло присовѣтовалъ.» Дальше повелъ свою рѣчь Кириллъ: «Первый грѣхъ отъ чего случился?—отъ сладкаго плода и отъ гордости. Стало быть, чтобъ исцѣлиться отъ него, нужно воздержаніе плоти и смиреніе духа. А это и есть законъ христіанскій. Тяжелъ этотъ законъ въ здѣшней жизни; за то въ будущей тѣмъ, кто его исполняетъ, назначенъ у Бога вѣчный покой. Нашъ законъ, какъ ягодный кустъ, что весною стоитъ въ колючихъ иглахъ, а осенью даетъ хорошія ягоды.»

Тогда первый совѣтникъ кагановъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стояли Жиды, и сказалъ: «Теперь нашъ гость вашу мудрость и гордость и сарацинскую также разорилъ, въ своей христіанской мудрости какъ въ рѣкѣ потопилъ.» А къ Козарамъ обернулся и сказалъ: «Истинно, какъ нѣтъ во всемъ мірѣ царя сильнѣе христіанскаго—царя православнаго, такъ и вѣра христіанская всѣхъ другихъ вѣръ выше передъ Богомъ; она только одна и можетъ привести въ небесное царство.» И загудѣло по всей толпѣ: «аминь».

Вышелъ Кириллъ на середину козарскаго круга и воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Братья! кто изъ васъ чего нибудь не понялъ, или въ чемъ сомнѣвается, пусть придетъ ко мнѣ, спрашиваетъ и спорить со мною: для